

тическая сторона обуславливает «понимание». Нельзя примириться с игнорированием смысловой стороны высказывания. В том-то и заключается новое в изучении звуков речи в XX в., что они, во-первых, стали рассматриваться в плане связи с семантикой, а, во-вторых, начали изучаться как система; причем первое определило второе, поскольку из множества реально произносимых звуков оказалось возможным выделить ограниченное их число.

Исходя при фонологическом анализе лишь из акустического эффекта, отражающего позиционные условия использования фонем, Хоккет на деле приходит к смешению фонетического и фонологического планов, несмотря на утверждение их различия. В результате смешения фонетики и фонологии в «Руководстве» оказалось много неточностей в употреблении терминов; можно привести хотя бы один пример: наряду с утверждением, что фонологическая система — это абстракция, в пятом разделе делается попытка найти акустические коррелятивы к ней, т. е. к абстракции.

Не останавливаясь на более мелких недочетах, добавим только, что в книге много непривычной терминологии, но читатель быстро осваивается с ней, потому что Ч. Хоккет не оставляет ни одного термина без разъяснения.

Общее ознакомление с «Руководством по фонологии», выделяющимся среди других работ (Пайка, Блоха, Трэджера, Джуса, Харриса, Фогелина и др.) по охвату материала, по глубине анализа и оригинальности решения многих проблем, заставляет нас отметить труд Ч. Ф. Хоккета в целом как крупное событие в лингвистической жизни Америки.

Н. А. Слюсарева

НОВЫЕ РАБОТЫ ПРОФЕССОРА М. МОИНА¹

Несколько лет тому назад иранский языковед доктор Мохаммед Моин, профессор Тегеранского университета, начал издавать отдельными выпусками свой новый труд, названный им «Tārḥ-e dāstur-e zāban-e farsī» («Проект грамматики персидского языка»). К настоящему времени Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина располагает тремя первыми выпусками. Выпуск первый (1952) называется «Qaeḍeha-ye jam' dār zāban-e farsī» («Правила образования множественного числа в персидском языке»), выпуск второй (1953) — «Esm-e māsdār» («Имя действия»), выпуск третий (1953) — «Ezāfe» («Изафет»).

Новые работы проф. М. Моина, одного из виднейших представителей языковедной науки современного Ирана, несомненно, свидетельствуют о значительных успехах, которых добились иранские языковеды в изучении современных и древних иранских языков. Иранских лингвистов, по-видимому, больше не удовлетворяют старые грамматические традиции, унаследованные еще от арабской, так называемой классической грамматики. Они стремятся, отказавшись от старых схем, создать грамматику персидского языка на более высоком, современном уровне. Внимание к отдельным научным проблемам дало возможность М. Моину и некоторым другим иранским лингвистам перейти от традиционно-схематичного изложения правил грамматики к изучению и описанию отдельных грамматических явлений. Однако полностью освободиться от устарелых традиций иранским языковедам пока еще не удается, о чем свидетельствуют и новые работы М. Моина.

В рецензируемых работах проявляется внимание их автора к отдельным грамматическим явлениям, глубокое знание фактов классического и современного языка и стремление тщательно описать их с целью как можно детальнее и объективнее охарактеризовать так называемые «правила употребления» и все «исключения» из этих правил. Вместе с тем в этих работах все еще игнорируются многие центральные проблемы лексикологии, морфологии, синтаксиса, все еще недостаточными оказываются выводы и теоретические обобщения.

Новые тенденции развития иранского языкознания в сочетании с сохраняющимися старыми традициями определили подход проф. Моина к иллюстративному материалу. Автор привлекает к исследованию не только современный литературный язык, но также и материалы тегеранского просторечия. Обращение к изучению современного литературного языка и живых говоров крайне важно для развития иранского языкознания, так как еще совсем недавно даже элементарные грамматики для начальных школ строились исключительно на материале классического персидского языка. Эту старую традицию едва ли не первыми нарушили иранские филологи М. Бехар, Р. Йе-

¹ М. Моин, Tārḥ-e dāstur-e zāban-e farsī, [вып.] 1—3, Teheran, «Zāvar», 1952—1953.

ми, А. Кариб и др., авторы коллективного труда по грамматике персидского языка для средних школ¹. В то же время проф. Моин оказался не в силах полностью преодолеть старую традицию: он пользуется фактами классического персидского языка наряду с данными современного литературного языка и живых говоров, пренебрегая периодизацией новоперсидского языка и отождествляя классический персидский язык X—XV вв. с языком современного Ирана. Такой подход к материалу во многих случаях не может не привести к антиисторизму.

Остановимся на разборе каждого из выпусков.

Первый выпуск, посвященный множественному числу в персидском языке, содержит три раздела: 1) Показатели множественного числа (стр. 1—61), 2) «Ломаные» формы множественного числа (стр. 61—70) и 3) Выводы (стр. 71).

В первом выпуске тщательно исследуются все показатели множественного числа, рассматриваются многочисленные частные случаи присоединения суффиксов множественного числа к именам с различными окончаниями, излагаются правила употребления арабских «ломаных» форм множественного числа. В конце выпуска автор дает краткие выводы, в которых, кроме перечня показателей множественного числа в персидском языке, содержит также некоторые методические указания по вопросу о том, как следует употреблять те или иные показатели множественного числа, как следует относиться к арабским «ломаным» формам и т. д. В этих выводах М. Моину не удалось сделать более или менее широких теоретических обобщений на основе анализа того богатого материала, которым он располагает. Так, автор совершенно не затрагивает таких проблем, как соотношение форм множественного и единственного числа; роль показателей множественного числа в словообразовании; собирательные имена существительные; так называемое неформальное множественное число, когда имя существительное, не имеющее показателей множественного числа, выражает значение множественности (например, *Dār in šāhr mādrāse ziyad āst* «В этом городе много школ»); разграничение употребления суффиксов множественного числа у существительных разных типов, у фразеологических единиц и т. д. Недостаточно внимания уделено редуцированным формам и прочим видам парных или повторных сочетаний, которые имеют самое непосредственное отношение к теме первого выпуска.

М. Моин не замечает, что категория множественного числа в персидском языке является такой проблемой, которая не может быть разрешена одним лишь тщательным и тонким описанием многочисленных фактов и деталей, связанных только с употреблением «внешних» показателей множественного числа. Автор не учитывает всей сложности вопросов, связанных с проблемой множественного числа, что отрицательно сказывается и на самом описании фактов, которые автор собирает так тщательно. Например, даже путем простого описания можно было бы охарактеризовать роль показателей множественного числа в словообразовании (ср. *anjāha* «там», *durha* «далеко, даль, далекие места»; *āsrha* «вечерами, по вечерам»; *morādūlha* «люди, подобные Морадли» и т. д.), однако М. Моин этого не делает.

Относительно оформления множественного числа сложных слов М. Моин пишет: «В сложных словах, состоящих из *mozaḡ* (определяемое или дополняемое в изафетной конструкции. — Л. П.) и *mozaḡoneleyh* (определение или дополнение в изафетной конструкции. — Л. П.), показатель множественного числа присоединяется к *mozaḡ*, и далее, наряду с примерами типа *bozorg-e qoum* «старейшина племени» — *bozorgan-e qoum*, *sārdar-e sepāh* «начальник войска» — *sārdaran-e sepāh*, автор указывает также *qafelesalar* «начальник каравана» — *qafelesalaran*, *sārdārd* «головная боль» — *sārdārdha* и др. (стр. 35). Это утверждение М. Моина о «присоединении» показателей множественного числа к *mozaḡ* и все его примеры еще раз показывают, что автор недостаточно учитывает всю сложность вопросов, им разбираемых.

М. Моин смешивает сложные слова (типа *qafelesalar*) и изафетные словосочетания (типа *bozorg-e qoum*), которые различаются не только своей структурой, но и оформлением. Так, показатель множественного числа в словосочетаниях присоединяется к первому компоненту — определяемому (*mozaḡ*), а в сложных словах — к концу сложного слова. Что касается терминов *mozaḡ* и *mozaḡoneleyh*, то употребление их, будучи правомерным и общепринятым в отношении словосочетаний, совершенно недопустимо в применении к сложным словам.

Совершенно не случайно, что в третьем выпуске, посвященном изафету и изафетной конструкции (см. ниже), автор столкнулся с неизбежностью как-то отграничить изафетные словосочетания от сложных слов. В этом выпуске автор в известной мере восполняет пробелы первого выпуска. Тем не менее явления лексики, морфологии и синтаксиса часто смешиваются. Этот недостаток присущ не только рецензируемому выпуску, но и некоторым другим известным нам работам иранских языковедов.

¹ См. «Dāstur-e zāban-e farsi bāraye salha-ye āvvāl vā dovvom vā sevvom vā čehārom-e dābīrestanha» («Грамматика персидского языка. Для 1—4 классов средней школы»), Teheran: [т.] I — 1949; [т.] II — 1950.

Второй выпуск посвящен характеристике *esm-e mäsdär* («имен действия») и их классификации. Выясняя разницу между понятиями *mäsdär* и *esm-e mäsdär*, автор приходит к справедливому выводу о том, что их нельзя смешивать. По мнению М. Мойна, *esm-e mäsdär* (или *hasel-e mäsdär*) имеет значение результата действия; понятия времени и процесса в нем выражены слабо (ср. *daneš* «знание, наука» от *danešän* «знать»). Под мадаром же автор понимает только инфинитивную форму глагола, которая совмещает в себе как субстантивные, так и глагольные признаки.

Далее в выпуске дается описание суффиксов отглагольных имен — их происхождения, произношения и способов присоединения, уточняется вопрос о том, к каким глагольным основам эти суффиксы не могут быть присоединены, какие из них присоединяются к неглагольным основам и т. д. Этот раздел написан с присущими автору тщательностью и наблюдательностью.

Путем анализа обширного языкового материала А. Мойн выделяет четыре специальных показателя *esm-e mäsdär* и, в соответствии с ними, намечает четыре группы имен действия, которые получили у него следующие названия: первая группа — *esm-e mäsdär-e šini* (имена действия на *-eš*), вторая группа — *esm-e mäsdär-e yaš* (имена действия на *-i*), третья группа — *esm-e mäsdär-e hai* (имена действия на *-e* или так называемое «н-немое»), четвертая группа — *esm-e mäsdär-e ari* (имена действия на *-ar*). Основную часть выпуска (более ста страниц) автор посвящает характеристике этих четырех групп.

При внимательном рассмотрении указанных групп прежде всего бросается в глаза слишком широкое понимание терминов *esm-e mäsdär* или *hasel-e mäsdär*. Под этими терминами М. Мойн объединяет совершенно различные имена существительные, обозначающие, как выясняется, не только действие и его результат, но и отвлеченные понятия (например, *doi* «двойственность», *zibai* «красота», *zendegi* «жизнь», *färmanfärmai* «господство», *amadegi* «готовность» и т. д.). Остается непонятным, на каком основании автор соединяет под рубрикой *esm-e mäsdär* эти совершенно различные по своему происхождению и семантике имена существительные. Многие из них образованы не от глагола и не выражают ни действия, ни его результата. Классификация *esm-e mäsdär* явно непоследовательна, она не основана на каком-нибудь одном или нескольких определенных признаках. Если в основу классификации класть только суффиксы, то это ничего не даст для выявления сущности имен действия. Известно, что суффиксы многозначны; кроме того, производное слово вместе с суффиксом может получить значительное переосмысление и выйти из разряда *esm-e mäsdär*. Вряд ли, например, к именам действия можно отнести такие слова, как *zoreš* «пища» (от *zordän* «кушать») и особенно *bästāni* «мороженое» (от *bästän* «закрывать»). Остается неясным также, почему взяты только эти суффиксы, а не другие, поскольку речь идет о столь расширенном понимании термина *esm-e mäsdär*.

Второй выпуск, как и первый, изобилует интересными примерами, приводятся редчайшие случаи образования имен действия. Однако вопрос о существе и типах имен действия в этом выпуске решается неудовлетворительно.

Третий выпуск представляет особый интерес для иранистов, так как он посвящен мало исследованной проблеме изафета и изафетной связи. Как известно, изафетная связь составляет одну из наиболее характерных черт грамматического строя многих иранских языков.

Изафетная связь является специфическим синтаксическим приемом соединения слов при помощи дополнительной частицы, помещаемой между словами. В персидском языке (как и в таджикском и некоторых других иранских языках и диалектах) можно иногда встретить до десяти слов, объединенных в одно словосочетание определительного (атрибутивного) типа при помощи изафетной частицы, которая повторяется при каждом определяемом. Такое словосочетание в нормативных грамматиках получило образное наименование «изафетной цепи». В изафетную связь могут вступать многие части речи; при образовании различных типов изафетных словосочетаний проявляются сложные закономерности, связанные с грамматической природой как части речи, так и самой изафетной частицы.

В существующих грамматиках и специальных исследованиях по синтаксису как персидского, так и таджикского языков¹ вопросы, связанные с природой и функциями изафета, не получили еще достаточного теоретического освещения.

Поэтому вполне оправдан тот большой интерес, с которым каждый иранист приступает к чтению любой новой работы, посвященной изафету. Однако работа проф. М. Мойна оставляет у читателя чувство неудовлетворенности. Несмотря на богатый материал и тщательное описание отдельных фактов, работа, ввиду недостаточности тео-

¹ См.: А. К. Арендс, Краткий синтаксис современного персидского литературного языка, М.—Л., 1941; Б. Н. Языков, Синтаксис простого предложения в современном таджикском литературном языке. Докт. диссерт., Л., 1948; Д. Т. Таджеев, Категория связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке. Канд. диссерт., Л., 1951.

ретических обобщений, не дает ответов на основные вопросы, связанные с проблемой изафета. При всем этом нельзя сказать, что работа М. Моина не углубляет наших знаний в области изафета и изафетной связи слов. Конкретные наблюдения, особенно в отношении так называемого *fäkk-e ezafe* («выпадение изафета»), представляют большой интерес и, несомненно, послужат материалом для дальнейших исследований в этой области.

Выпуск состоит из трех небольших глав и выводов. В первой, вводной главе автор, соглашаясь с традиционным мнением персидских грамматиков о наличии в персидском языке четырех «состояний» имени (арабский термин *halät* «состояние» соотносительен с понятием «падеж»), приводит краткие сведения, характеризующие, по его мнению, падежную систему древнеперсидского языка, языка Авесты и современного персидского языка. Как известно, персидский язык не обладает падежной системой и, следовательно, нет оснований говорить о падежах или падежных отношениях применительно к этому языку.

Характеризуя изафетную конструкцию, М. Моин в конце вводной главы приходит к совершенно правильному выводу о том, что эта конструкция коренным образом отличается от сложного слова своим свободным объединением членов конструкции; при этом справедливо указывается (хотя и без достаточных мотивировок), что изафетная конструкция может превратиться в сложное слово.

Второй главе выпуска автор дает название «*Moqayese*» («Сравнение»), имея в виду сопоставление изафетных конструкций в персидском литературном языке и в иранских диалектах, с одной стороны, и способов выражения атрибутивных отношений в иранских языках и некоторых других языках индоевропейской системы (английский, французский, немецкий), с другой; это «сравнение» весьма кратко и схематично.

Интерес представляют приведенные автором некоторые данные о местных иранских диалектах, один из которых (сангесари, натанзи, гольшаегани, ширази, казеруни и др.) не отличаются (или мало отличаются) от персидского литературного языка в отношении атрибутивной конструкции, другие же (мазандерани, гиляки и др.) — существенно отличаются (в этих диалектах определение стоит перед определяемым).

При сопоставлении персидского изафета и конструкций с родительным падежом в немецком языке, предлогом *de* во французском языке и так называемым possessivным падежом в английском языке автор смешивает грамматическую форму и значение выражаемое этой формой. Так, например, сравнивая персидский изафет со способом выражения атрибутивных отношений во французском языке, М. Моин пишет: «Показателем изафета во французском языке является *de*, который называется предлогом и ставится между определением и определяемым» (стр. 13). Автора, по-видимому, не смущает то обстоятельство, что атрибутивные отношения имеют в разных языках свое особое грамматическое выражение. Подобный подход автора к явлениям языка еще раз показывает, что он не сумел решительно порвать со старой абстрактно-логической традицией, все еще господствующей в трудах иранских лингвистов.

В третьей, наиболее полной главе выпуска подробно рассматриваются написание и звучание изафетной частицы в разных позициях, состав изафетной конструкции и особенно подробно указываются многочисленные частные случаи «выпадения» изафета. Правильно отмечая, что пропуск изафета иногда вызывается требованиями стихотворного метра (если примеры взяты из поэзии), автор все же не смог до конца правильно разобраться в явлении, именуемом *fäkk-e ezafe*. Недостаточно было отметить все случаи «выпадения» изафета и сделать лишь одно замечание, касающееся пропуска изафета в поэзии, как это сделал М. Моин. Необходимо, по нашему мнению, сгруппировать случаи *fäkk-e ezafe* и дать им теоретическое истолкование.

Следует прежде всего отграничить случаи выпадения изафета, которые представляют собою результат длительного исторического процесса лексикализации изафетных словосочетаний, от возможных случаев искусственной ломки изафетной конструкции в поэзии. В последнем случае стихотворный размер только помогает узнать, читался в данном конкретном примере изафет или нет. Например, по произведениям Фердоуси и Саади мы знаем, что в словах *särmaie* «достоиние», «богатство» и *därbar* «царский двор» по требованию метра читался краткий гласный звук (*sär-e maie, där-e bar*). Можно предположить, что это была изафетная частица, а современные слова *särmaie* и *därbar* исторически являлись словосочетаниями. Но доказательно ли это в полной мере? По-видимому, нет, так как, например, в полустыши *yeki qätre baran ze äbri äkäid* «Упала одна капля дождя с облака» (Саади) по требованию усеченного мутакариба гласный звук между *qätre* и *baran* не произносится (сочетание *yeki qätre baran* представляет собой две полные стопы), но это, разумеется, еще не значит, что изафет между *qätre* и *baran* в ту эпоху не читался. Данные поэзии призваны, таким образом, лишь дополнить лингвистический анализ трансформации изафетных словосочетаний (этимология составных частей, вопросы соотношения словосочетания к сложному слову, проблема изафетных фразеологических единиц, вопросы ударения и т. д.).

Не следует, однако, считать выпадение изафета непременно следствием процесса

лексикализации. Приходится учитывать явления аналогии, когда сложное слово может появиться в результате подражания существующим словообразовательным моделям. Например, если слово *sârñize* «штык» восходит к изафетному словосочетанию (ср. среднеперсидское *sâr-i nêzak*), то это еще не значит, что другое, аналогичное сложное слово появилось также в результате лексикализации изафетного словосочетания; ср. появившееся сравнительно недавно слово *sârpasban* «старший полицейский», которое не восходит к изафетной конструкции. Необходимо считаться и с тем, что в персидском языке существует немало как простых и сложных фразеологических единиц, между элементами которых читается изафет, так и отдельных промежуточных между словосочетанием и сложным словом явлений, в которых изафет присутствует обязательно, а иногда — факультативно.

Таким образом, общая проблема *fâkk-e ezafe* является весьма сложной, включающей в себя ряд частных проблем, которые М. Моин обходит молчанием.

В четвертой главе третьего выпуска под названием «*Fayede-ye ezafe*» («Польза изафета») М. Моин дает выводы о «пользе» (*fayede*) и «назначении» (*qâgâz*) изафета. По мнению автора, «польза» и «назначение» изафета заключается в том, что при помощи изафетной конструкции можно обозначить как определенный предмет или лицо (автор называет это «назначение» изафета *tâ'rif*), так и предмет вообще (последнее «назначение» именуется *tâxisis*). Эти выводы явно не соответствуют огромному материалу по изафетным словосочетаниям, собранному и тщательно обработанному автором.

Наши замечания по трем рецензируемым выпускам «Проекта грамматики персидского языка» проф. М. Моина касаются главным образом теоретической и методологической стороны выпусков. В остальном недочеты этих трех выпусков несущественны. Они несколько не умаляют ценности тщательно собранного богатого фактического материала, за который признаны должны быть благодарны М. Моину.

Л. С. Пейсиков

Pierre Guiraud. La sémantique.— Paris, Presses Universitaires de France, 1955. 118 стр.

Во многих появившихся за последние годы работах советских и зарубежных лингвистов указывалось на необходимость более ясного понимания основных вопросов, связанных с изучением словарного состава языка. К таким вопросам, в частности, относятся: уточнение предмета изучения и задач семантики, разработка принципов семасиологического исследования, уяснение соотношения семантики и лексикологии, семантики и этимологии, семантики и других смежных наук¹.

В этом плане новая книга французского ученого П. Гиро, посвященная теоретическим проблемам семантики, представляет несомненный интерес для советского читателя. Нясность, существующая в отношении предмета семантики и даже самого термина «семантика», объясняется, по мнению автора, неразграничением круга взаимосвязанных и соприкасающихся, но разных теоретических проблем, охватывающих различные аспекты сложного семантического процесса. Последний включает в себя возникновение «мысленного образа» вещи в уме говорящего (*l'image mentale*), образование звуков и расположение их в определенном порядке, возникновение соответствующего образа вещи в уме собеседника и т. д. Таким образом, процесс общения охватывает круг проблем, входящих в область логики, психологии, физиологии, акустики и лингвистики.

Эти проблемы распадаются, по П. Гиро, на три большие группы: а) психологические — особенности процесса общения и сущность знака; б) логические — отношение знака к реальной действительности и в) лингвистические — проблема слова как предмета изучения, отношения между формой и смыслом слова, отношения между словами и т. д.

Следует различать три семантические науки: семантику общую, или, как ее называет автор, психо-социологию знака, семантику философскую и семантику как таковую, т. е. семантику лингвистическую, которой и посвящена данная работа.

П. Гиро различает смысл (*sens*) и значение (*signification*) слова. Значение, по мнению П. Гиро, — психологический процесс, а смысл — статическая величина, результат этого процесса. По существу, предметом лингвистической семантики является изучение смысла, а не значения слова, но между смыслом и значением имеется тесная связь.

В соответствии с этим лингвистическая семантика выдвигает две основные проблемы:

¹ См., например, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии, ВЯ, 1956, № 3 (особенно стр. 4—11).